

Н. Г. о. Халыгов**Проблема определения понятия «злоупотребление правом» в контексте современных теорий*****N. G. o. Khalygov. The Problem of Defining the Concept of “Abuse of Law” in the Context of Modern Theories***

В статье рассматриваются основные теоретические подходы в изучении феномена злоупотребления правом. Показано, что формулируемые в них определения не соответствуют критерию универсальности. Предлагается новое, синтетическое определение понятия «злоупотребление правом», лишенное недостатков предшествующих дефиниций.

Ключевые слова: злоупотребление правом, принципы права, проблема, теория.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 451-19-10; e-mail: namig73@mail.ru.

The article discusses the main theoretical approaches in the study of abuse of law. It is shown that the definitions formulated in them do not meet the criterion of universality. A new, synthetic definition of the concept of “abuse of rights”, devoid of the shortcomings of the previous definitions, is proposed.

Keywords: abuse of rights, principles of law, problem, theory.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-10; e-mail: namig73@mail.ru.

В современной науке о праве имеется немало оригинальных теорий и концепций о феномене злоупотребления правом. Общей в этих учениях является идея признания сложности в идентификации данного распространенного явления и недостаточности государственно-правовых средств для существенного ограничения и минимизации его конкретных проявлений.

В теоретическом плане важными для современного понимания феномена злоупотребления правом остаются две доктринальные концепции: «теория противоречия субъективного права его социальному назначению» и, «теория пределов осуществления субъективного права». Конечно, данные учения следует понимать не столько как стандартные научные теории, а скорее как некое теоретическое ядро, вокруг которого выстраиваются те или иные теоретические дополнения, гипотезы и выводы. По сути, в настоящей статье нами рассмотрено так называемое ядро соответствующих двух научно-исследовательских программ (в смысле И. Лакатоса).

В рамках первой теории определение понятия «злоупотребление правом» как противоречия субъективного права его социальному назначению ориентирует мысль к следующей модельной ситуации: субъект реализует свое право в форме поступка или поведения. Однако такое деяние явно не соответствует или вступает в противоречие с некими ценностями, которые культивируются в данном обществе и применяются как оценочные критерии к рассматриваемому деянию этого субъекта. Такими ценностями зачастую становятся абстрактные понятия «разумность», «справедливость», «общее благо», «добрая воля», «нравственность» и т. д. При этом суть злоупотребления правом понимается в данном случае, со-

Намиг Гурбанали оглы Халыгов — аспирант кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Халыгов Н. Г. о., 2019.

гласно известной формуле Ш. Монтескье, как противоречие между «буквой закона» и «духом закона» [1]. «Буквой закона» выступает в первую очередь субъективное право (т. е. формально определенное правомочие), предоставляемое лицу или признанное ему законом, а под «духом закона» понимается особая правовая культура, присущая той или иной стране на определенном этапе ее истории. Правовая культура оформляется («объективируется») прежде всего в научно-теоретических текстах, архивных материалах, художественных и литературных произведениях и иных материальных носителях, в которых в той или иной степени отображаются и закрепляются общие цели (предназначения), ценности и/или принципы наличного права. Наличие такой культуры («духа законов») — важнейший фактор функционирования и развития права на протяжении всей истории человечества [2].

Представителями первой теории являются такие правоведы, как М. М. Агарков [3; 4], Я. Янев [5], О. О. Милетич [6], О. Н. Бармина [7] и многие другие. В рамках этой концепции формулируются важные тезисы, касающиеся признаков и природы феномена «злоупотребление правом». Изначально все деяния такого рода являются правомерными актами, поскольку совершаются правоспособными субъектами (лицами) при реализации их субъективных прав (точнее, правомочий). Юридическая квалификация таких деяний в качестве злоупотреблений правом в каждом случае возможна лишь *a posteriori* (от лат. «после опыта») — в результате судебного, третейского или административного разбирательства и решения.

Будучи правомерными актами, такие деяния вряд ли являются правонарушениями и потому не влекут за собой каких-либо мер юридической ответственности — в лучшем случае в качестве юридического последствия может быть принято судебное решение об отказе злоупотребляющему лицу в защите принадлежащего ему права [8, ст. 10 п. 2]. Такой отказ носит процессуальный характер и во многом аналогичен судебным решениям при рассмотрении гражданских дел, связанных с оспоримым сделками².

В некоторых работах с позиции этой теории было показано, что деяния, подпадающие под общие критерии правозлоупотреблений, образуют особый, хотя и весьма обширный класс квазиправовых явлений, не совпадающий ни с правомерными актами, ни с правонарушениями [5, с. 181–182]. Известная критика указанной выше первой теории (точнее, целого ряда соответствующих концепций) породила значительный ряд контраргументов. Укажем один, но весомый довод, который касается введения неформализованных оснований и критериев, использующихся в определении феномена «злоупотребление правом» и при судебной оценке его различных проявлений. Так, еще в 1940-е гг. сторонник данной теории М. М. Агарков предупреждал, что «широкое признание злоупотреблений правом на законодательном уровне повлечет за собой нарушение всего правопорядка, поскольку оно сводится к судебскому усмотрению, в рамках которого и предполагается ответ на главный вопрос: имеет ли быть место правозлоупотребление или конкретное деяние является лишь осуществлением права?» [3, с. 426–429].

Другая часть цивилистов-прагматиков возражает утверждая, что нельзя «среднему» участнику конкретных (скажем, экономических) отношений вменять в обязанность сопоставлять свою цель или способ своей деятельности с какими-то

¹ Применительно к властным субъектам их правомочия обычно называют *полномочиями*.

² На тесную связь недействительных (оспоримых) сделок и различных злоупотреблений правом в гражданском праве указывает и законодатель: «Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки» [8, ст. 116 п. 5].

абстрактными принципами права или иными ценностями, принятыми в обществе. «Технология» злоупотребления правом, — пишет в этой связи А. В. Волков, — предполагает постановку и осознание как минимум двух целей, из которых первая — внешняя, т. е. на виду и оправдывает действующее средство, а вторая — скрытая, вредная, незаконная цель, отдаленная по времени и с усложненной причинно-следственной связью, но действительная, реальная для субъекта злоупотребления правом. Отсюда логический вывод: если «средний» участник гражданского правоотношения в состоянии планировать и сопоставлять как минимум две цели, из которых первая — открытая — является средством для достижения второй — скрытой, то этот же «средний» участник способен осознать и сопоставить свою цель с общей целью (ценностью) права. Следует добавить, что «средний» субъект в гражданском праве сам редко додумывается до злоупотребительных действий. Обычно этим занимаются юристы-профессионалы, которые имеют представление о целях и задачах гражданского права, о его функциях и даже о высшем благе права и вряд ли его отрицают, но по разным причинам не выбирают. Переложить в такой ситуации груз ответственности злоупотребляющему субъекту не на кого» [9, с. 89]. Заметим также, что «средний» участник злоупотребления вряд ли способен осознавать и оперативно учитывать общую цель (ценность-принцип) — хотя бы потому, что она очень слабо формализована в юридических источниках страны (например, ст. 10 ГК РФ).

Итак, можно сделать вывод, что с точки зрения данной теории любое злоупотребление правом — это практически всегда правомерный поступок, асоциальный характер и вредоносность которого можно установить лишь *a posteriori* (от лат. «после опыта»), т. е. лишь «задним числом». Но в истории существует устойчивая тенденция: возрастающее число специальных формально-юридических составов деяний, которые также характеризуются как злоупотребления правом и за которые назначаются те или иные санкции. Все это указывает на то, что, казалось бы, внешние социокультурные критерии правозлоупотреблений могут все-таки учитываться в судебных решениях и в отдельных случаях могут быть конкретизированы в виде нормативных понятий и составов правонарушений.

Вторая теория, сложившаяся в отношении разнообразных правозлоупотреблений, обобщенно может быть названа теорией «пределов осуществления субъективных прав». К представителям этой концепции можно отнести таких правоведов, как В. П. Грибанов [10; 11], С. Г. Зайцева [12], В. А. Волков [9; 13], А. Малиновский [14], В. И. Крусс [15], А. Е. Наумов [16] и многие другие. По своей методологической основе их концепции ориентированы преимущественно на стандарты юридического или социального (социально-факторного) позитивизма. Суть данной теории состоит в признании наличного коллизионного противоречия между субъективным и объективным правом, которое и находит свое практическое и массовидное воплощение в различных злоупотреблениях правом. Наличие необходимого (но не достаточного) формального запрета, закрепленного в виде закона или соответствующего нормативно-правового акта, и есть то основание, которое, с точки зрения сторонников данной теории вновь возвращает мысль в сугубо юридическую плоскость. Другими словами, данная теория исходит из того, что в ходе правозлоупотребления субъективное право реализуется в такой форме¹ (способе осуществления), которая вступает в логико-юридическое противоречие с содержанием этого субъективного права. «Схематично роль и место

¹ Обычно объективные формы реализации субъективного права устанавливаются Законом или договорами — в виде *запретов* или *ограничений* (особенно, если речь идет о свободных лицах, действующих по принципу «разрешено все, что не запрещено законом»).

способа в процессе осуществления права можно изобразить следующим образом: субъективное право → усмотрение субъекта по выбору одного из способов осуществления права → поведение по осуществлению права → достижение цели, обусловленной предназначением субъективного права (удовлетворение конкретной потребности)» [14, с. 159–160].

Возможны и иные, но сходные с этой схемой дихотомии, когда юридически корректная форма (субъективное право или свобода) сочетается с неправовой целью, неправовым интересом, неправовыми средствами и методами, неправовыми условиями реализации права и др. Последние при этом должны быть запрещены законом. Во многом такое понимание природы злоупотреблений правом перекликается с существующим законодательством и известной судебной практикой в РФ. Так, широкое признание получила дефиниция, которую предложил в постановлении Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа от 18 июня 2009 г.: «Злоупотребление гражданским правом заключается в превышении пределов дозволенного гражданским правом осуществления своих правомочий путем осуществления их с незаконной целью или незаконными средствами, нарушая при этом права и законные интересы других лиц» [17].

Точно и развернуто основные положения данной теории выражены в концепции, предложенной В. А. Волковым [9] на основе изучения злоупотреблений гражданскими правами:

1. «Злоупотребление правом — это юридический акт правопользования, правоореализации, правоосуществления, характеризующийся признаками гражданского правонарушения.
2. Злоупотребление правом — это проявление системного «сбоя» норм в гражданском праве, который тем не менее предупреждается и удаляется другими системными средствами права.
3. Носитель права нарушает содержащуюся в его субъективном гражданском праве единственную обязанность — добросовестно использовать свое субъективное право; он не признает и не уважает права других участников правоотношений, проявляя «злую», несвободную волю.
4. При злоупотреблении правом субъекты права находятся в состоянии правоотношений, в которых нарушитель свою незаконную цель оправдывает с помощью внешне законного средства — гражданского права (либо правомочия).
5. Умысел нарушителя направлен на внутреннюю сущность права — создание средствами права неравенства, а не на конкретный имущественный ущерб. Материальный вред в этой связи не является обязательным признаком злоупотребления правом.
6. В ситуации злоупотребления правом применение специальных норм, четко и понятно регулирующих злоупотребительное поведение, невозможно. В этом случае «работает» только норма-принцип, т. е. ст. 10 ГК РФ, а специальная норма (чаще всего являющаяся средством злоупотребления) не в состоянии своим содержанием справиться с возникшей проблемой.
7. В качестве средства для злоупотребления субъектом используется формальное гражданское право (можно говорить *субъектное*, но не *субъективное* гражданское право!) в его самом узком, догматическом смысле.
8. Злоупотребление правом — это искусственная ситуация, которая не может не сознаваться правонарушителем и характеризуется, следовательно, как умышленное, намеренное поведение субъекта, имеющего скрытую незаконную цель, а отсюда и незаконное, хотя внешне правомерное средство — гражданское право.

9. Средством злоупотребления может быть не только гражданское право, но и гражданско-правовая обязанность, всегда содержащая в себе определенные возможности (правомочия) для обязанного субъекта».

К сказанному автор добавляет еще три существенных квалификационных признака, правда, характеризующих действия нарушителя в качестве правозлоупотребления в области гражданского права [13]:

- 1) «недобросовестное использование гражданского права (обязанности) при создании видимости, легальности осуществления своего права (исполнения обязанности), что определяет прямой умысел нарушителя;
- 2) наличие скрытой, незаконной цели, проявляющейся в эгоистическом намерении, направленном на нарушение юридического равенства участников гражданских правоотношений;
- 3) отсутствие либо невозможность использования специальной, «родной» нормы, регулирующей спорное правоотношение, что вызывает к действию статью 10 ГК РФ».

Итак, важной особенностью и достоинством этой теории является признание того важного обстоятельства, что полагаемые законом или договором пределы осуществления субъективного права вполне формализуемы, и, следовательно, допускают юридическую квалификацию злоупотреблений правом в виде их вполне конкретных юридических составов, что позволяет дополнительно вводить и применять соответствующие правовые средства и методы для охраны, защиты прав и интересов различных лиц и/или привлечения виновных к юридической ответственности в случае нарушения ими субъективных прав или требований Закона — в виде злоупотребления своими правами.

Известная критика указанной выше второй теории злоупотреблений правом также предоставила нам значительный ряд контраргументов. Остановимся на главных.

Во-первых, определения злоупотреблений правом, которые присущи этой теории, разнообразны и даже многозначны (бивалентны), что явно не соответствует логико-теоретическим стандартам, сложившимся в современной науке в отношении дефиниций. Действительно, обобщая законодательство о злоупотреблениях правом и судебный опыт рассмотрения соответствующих дел, научная мысль, движущаяся в указанном русле к обобщающему определению, приходит как минимум к двуединой дефиниции. Теперь природа (структура и/или причина) такого рода явления рассматривается двояко:

- 1) как противоречие «сомнительного» содержания субъективного права, осуществляемого на практике, легальной форме его реализации, которая характеризуется со стороны используемых при этом средств, способов, результатов или последствий¹;
- 2) или, наоборот, как использование «сомнительной» с точки зрения Закона формы реализации субъективного права, содержание которого при этом не вызывает возражений².

Во-вторых, данная теория, признающая необходимость формальных ограничений и запретов в отношении содержания (целей) и/или форм реализации субъективных прав, идет вразрез с устойчивой традицией рассмотрения злоупо-

¹ Понятно, что классическая *шикана* (ст. 10 п. 1 ГК РФ) будет подпадать под данное определение злоупотребления правом.

² Показательным примером применения второго определения могут служить несанкционированные манифестации политической оппозиции на улицах Москвы летом 2019 года.

треблений правом в сфере судебных инстанций уже совершенных «сомнительных» действий. Действительно, акции политической оппозиции летом 2019 г. на улицах Москвы еще до начала этих «гуляний» (т. е. на стадии их планирования, согласования и публичного призыва к участию в них) рассматривались государственной властью и многими СМИ в качестве организованного массового правонарушения, направленного на захват государственной власти (по крайней мере, в законодательном органе г. Москвы) и осуществляемым в виде *злоупотребления правом*, признаваемым статьей 31 Конституции РФ¹ [18] — но при ожидаемом нарушении требований Федерального закона РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [19] и других законов.

В-третьих, сторонники данной («второй») теории даже при допущении, что они будут руководствоваться «бивалентным» определением понятия о злоупотреблении правом, вынуждены рассматривать и подводить под это понятие такие юридические понятия и составы, которые имеют несовпадающий и даже противоречивый нормативный смысл. Например, в состав понятия «шикана» как одной из форм злоупотребления правом включается субъективный (целевой) признак — «исключительно с намерением нанести вред другому лицу» [8, ст. 10 п. 1], тогда как в другом законе в состав понятия «злоупотребление свободой массовой информации» включается признак, указывающий на реальное свойство особого объекта — «информации, которая может воздействовать на подсознание людей» и др. [20, ст. 13.15].

В-четвертых, в рамках данной теории судебные оценки деяний на основе некоего «духа законов» выглядят излишней традицией, поскольку судебные оценки в отношении уже совершенных деяний логически не уместны при наличии уже сформулированных юридических составов конкретных видов правозлоупотреблений. Соответствующие нормы вполне доступны «среднему» субъекту, осуществляющему таким образом свое право².

В-пятых, данная теоретическая позиция, тяготеющая к юридической формализации признаков тех или иных видов злоупотреблений правом, игнорирует текущее российское законодательство, которое во многих случаях допускает судебное усмотрение «иных форм злоупотребления правом» по основаниям, представляющим собой по сути социокультурные ценности и/или весьма абстрактные императивы — разумность, добросовестность, порядочность, общественное благо, безопасность и т. п.

Итак, вторая теория — «теория пределов осуществления субъективного права» — имеет неоспоримое преимущество над первой теорией («теорией противоречия субъективного права его социальному предназначению») в том смысле, что она носит вполне юридический характер, так как она констатирует в любых злоупотреблениях правом их важнейший элемент — противоречие между субъективным правом и юридически установленной объективной формой его реализации.

Напрашивается обобщающий вывод, что в современной юридической науке сохраняется давний дуализм в теоретическом понимании феномена «злоупотребление правом», который в настоящее время выражается в доминировании двух актуальных теоретических подходов — «теории противоречия субъективного

¹ Согласно этой статье «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

² Если же они не известны праводеспособному лицу, то это обстоятельство не освобождает его от юридической ответственности («незнание законов не освобождает от ответственности»).

права его социальному назначению» и «теории пределов осуществления субъективного права». Причем каждая из этих теорий имеет определенные ограничения в описании и объяснении соответствующего нормативно-правового и эмпирического (юридико-практического) материала.

Представленный обзор современной научной литературы по заявленной теме выявил отсутствие общепризнанного и универсального определения злоупотреблений правом, которое бы охватывало не только известные виды и формы злоупотреблений, но и позволяло бы идентифицировать такие (сходные) явления в будущем. Напомним, что в рамках доминирующих ныне теоретических подходов представлено множество дефиниций, касающихся злоупотреблений правом; но все они, на наш взгляд, редуцируются в следующих вариантах:

- 1) злоупотребление правом осуществляется в противоречии с социальным назначением права (т. е. в противоречии с «духом законов»);
- 2) злоупотребление правом осуществляется в формах, противоречащих нормативному содержанию права (т. е. в противоречии «букве закона»).

В данной ситуации воспользуемся диалектическим методом («триадой») Гегеля, предполагающей движение мысли от «тезиса» к «антитезису», а от него — к «синтезу» [21]. Синтетический вариант определения понятия «злоупотребление правом» будет включать в себя и первое определение, и второе определение, но как подчиненные моменты. По сути, новое искомое понятие должно содержать и «формально-нормативный», и «социально-культурный» (ценностный) моменты.

Думается, что такими взаимодополнительными признаками могут обладать особые конструкции — правовые принципы, известные в теории права и используемые в юридической практике. Особенность правовых принципов состоит, как известно, в том, что они не только обладают определенной нормативной силой, востребованной обществом, но и одновременно соответствуют «духу времени», т. е. новому социокультурному контексту [22]. Будучи формально закрепленными в преамбулах (общих или вводных частях) конституций и/или законов, правовые принципы в плане своего содержательного понимания, в отличие от обычных юридических норм, всегда нуждаются в соответствующей доктринальной интерпретации; результаты такого толкования обычно общеизвестны и культивируются внутри юридического сообщества, а также находят свою легитимность вовне: среди политических кругов, гражданской общественности и широких слоев населения.

Суть правовых принципов и состоит в том, что они привносят в ту или иную отрасль права те социальные ожидания и императивы («социальное назначение»), которые складываются в общественном правосознании под влиянием новых условий и потребностей общественной жизни и закрепляются в культуре данного общества, которая, в свою очередь, наследует многим историческим традициям и придает правосознанию людей устойчивый и кумулятивный («накопительный») характер². Правовые принципы дополняют собой действие конкретных норм права в качестве общенормативных условий, которые должны учитываться всеми субъектами права, в том числе теми, кто осуществляет свои права и обязанности в рамках деяний, именуемых как «злоупотребления правом».

При этом надо учитывать, что правовые принципы в силу своей общности (и высокой абстрактности) вряд ли обладают теми функциями, которыми

¹ Под *доктриной* мы понимаем такую теорию или концепцию, которая принимается в качестве истинной и практически значимой большинством населения, теми, для кого она и предназначена.

² Часто *правовая культура* трактуется как совокупность таких знаний, идеалов, ценностей, норм и образов, которые выражают некий интегрированный правовой опыт разных поколений людей и самых различных обществ в прошлом и настоящем.

обычно обладают отраслевые нормы. Среди основных функций конкретных норм права, как известно, фигурируют *обязывание, запрещение, и дозволение*. Что касается правовых принципов, то для них характерные, по-видимому, несколько иные функции *интегративная, систематическая, целевая, ценностная (аксиологическая)* и некоторые другие [23; 24]. Думается, что в этом ряду стоит и *селективная* функция, смысл которой чаще всего связан не с утверждением некоего общерегулятивного правила, а скорее, наоборот, с действием некоего общезапрещающего правила, в ходе применения которого происходит селекция (отбрасывание, отказ) тех или иных негативных вариантов возможного поведения, при этом остается некое небольшое (ограниченное) множество положительных вариантов. Понятно, что в качестве таких вариантов для селекции могут выступать и возможные нормы объективного и субъективного права, включая и права (правомочия), которые может осуществлять то или иное правоспособное лицо.

В качестве принципов права, которыми запрещаются злоупотребления правом в современном обществе, выступают прежде всего общеправовые принципы, закрепленные в конституциях и/или общепризнанных актах международного права, а также общеправовые принципы, выраженные чаще всего в кодексах — основополагающих актах отраслевого права. Справедливости ради хотелось бы отметить, что на важность обращения к конституционным принципам для разработки современной теории злоупотреблений правом впервые обратил внимание В. И. Кросс в своей работе «Злоупотребление правом» [15]. Однако его понимание природы конституционных принципов носит формально-прикладной характер и не учитывает корреляцию этих принципов с ценностями, присущими правовой культуре и правосознанию в современной России.

Аналогично о роли правовых принципов в определении злоупотреблений правом как особых правовых явлений высказывается и В. А. Волков, но он не рассматривает их в качестве общих признаков злоупотреблений правом и, кроме того, ограничивается рассмотрением злоупотреблений правом лишь в гражданском праве [9].

Итак, с учетом особой роли правовых принципов в правовой системе страны мы приходим к следующему определению понятия «злоупотребление правом»: *злоупотребление правом — это деяние правоспособного лица (субъекта права), реализующего свое правомочие в противоречии с принципами права, закрепленными в конституции и/или основных отраслевых законах (кодексах)*. Данное определение имеет важные преимущества по отношению к вышеприведенным дефинициям, обладающим, как ранее указано, определенными выше недостатками и изъянами.

Во-первых, это определение носит весьма общий и универсальный характер, поскольку допускает существование как формально-юридических составов для

¹ К неосновным функциям норм права относятся *правопредоставление (правопризнание), правовая квалификация (идентификация и оценка), карательная, коллизионная, обеспечительная* и некоторые другие.

² *Ценностная* функция, на наш взгляд, позволяет сделать определенный выбор одного (ценностно-значимого) или нескольких вариантов из множества возможных; такой выбор осуществляется по тому или иному ценностному основанию — значимости, важности, необходимости и т. п.

³ С логической точки зрения *ценностная* функция принципов права выступает антиподом их *селективной* функции.

⁴ При этом правовые принципы выступают в качестве своеобразных *метанорм* в отношении конкретных норм отраслевого права.

конкретных видов злоупотреблений правом в различных правовых отраслях, так и таких злоупотреблений правом, которые не урегулированы законодателем. Во-вторых, для своего применения такое определение понятия правозлоупотребления предполагает достаточно высокий уровень правосознания и правовой культуры, которым должны обладать прежде всего судьи. Поэтому предпочтительным для идентификации того или иного злоупотребления правом остается режим судебного рассмотрения и оценки такого деяния после его совершения (т. е. *post factum*)¹. В-третьих, данное определение понятия правозлоупотребления информативно и эвристично, поскольку из него логически следуют многообразные классификации и иные дедуктивные следствия. В частности, оно подводит к такому новому, не рассматриваемому в научной литературе делению этого понятия (как родового) на такие его виды, как *злоупотребление общим правом*² и *злоупотребление отраслевым правом*.

В-четвертых, это определение логически допускает и дальнейшую формализацию понятия «злоупотребление правом», что подтверждается и известной исторической тенденцией в виде нормативных понятий и соответствующих норм, которые применяются в отношении конкретных видов злоупотреблений правом. Причем речь идет не только о формах осуществления субъективного права, но и о других моментах, например, об определенных результатах, а также социально вредных последствиях таких деяний, которые могут включаться в состав конкретного вида злоупотребления правом. Такая формализация расширяет временные границы для правовой оценки соответствующего деяния обычно после его совершения (т. е. *post factum*), так и заранее (т. е. *ante factum*). В то же время юридическая формализация не отменяет существенного признака любого правозлоупотребления — несоответствия или противоречия его наличным принципам права, присущим определенным историческим эпохам и правовым культурам и закрепленным в соответствующих нормативно-правовых актах.

В-пятых, в отличие от первого варианта дефиниции понятия «злоупотребление правом», ранее представленного в научной литературе, предлагаемое в данном параграфе определение этого понятия использует не какие-нибудь неопределенные для обычных юристов ценности (философские идеи, религиозные догматы, морально-этические максимы и т. п., служащие содержательному наполнению используемого в первом определении признака — «несоответствие злоупотребления правом его социальному назначению»), а список вполне определенных правовых принципов, закрепленных в принятых в том или ином обществе и государстве конституциях или законах (кодексах).

Так, согласно Конституции РФ [18], «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Запрещается также экономическая «деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию». Утверждается, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками, если это не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Конституция РФ гарантирует также равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоя-

¹ С этим теоретическим выводом согласуется и законодательное положение — *презумция добросовестности и разумности* сделок в гражданском праве [8, ст. 10 п. 5].

² Под *общим правом* подразумеваются основные права и свободы человека, а также иные конституционные правомочия (полномочия).

тельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Данные и ряд иных положений Конституции РФ, на наш взгляд, следует рассматривать как воплощение и конкретные формулировки основополагающего принципа недопустимости злоупотребления правом. При этом стоит волноваться, что данный конституционный принцип не нашел своего закрепления в тексте действующей Конституции, где также отсутствует и принцип презумпции невиновности (он, как известно, представлен в Конституции РФ в виде более конкретных и взаимодополняющих формулировок).

Литература

1. *Лядов А. О., Евсеев А. В., Халыгов Н. Г.* Проблема злоупотребления правом и коллизионное право // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: сб. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбУ-ТУиЭ, 2018. С. 578–583.
2. *Евсеев А. В.* К вопросу о правовой культуре в российском правопонимании // Правовая Россия: проблемы и перспективы развития законодательства: материалы Междугор. науч.-практ. конф. СПб.: Астерион, 2009. С. 33–38.
3. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 2. М.: ЮСТ-Статут, 2002. 535 с.
4. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 426–429.
5. *Янев Я.* Правила социалистического общежития (их функции при применении правовых норм). М.: Прогресс, 1980. 270 с.
6. *Милетич О. О.* Формы злоупотребления правом: общетеоретический аспект исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 260–264.
7. *Бармина О. Н.* Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 186 с.
8. Гражданский кодекс РФ. Ч. 1. (принят 21.11.1994; в ред. 18.03.2019) // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.10.2019).
9. *Волков В. А.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.
10. *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юридическая литература, 1972. 284 с.
11. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.
12. *Зайцева С. Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань, 2002. 147 с.
13. *Волков А. В.* Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). М.: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.
14. *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: ЮрЛитИнформ, 2007. 352 с.
15. *Крусс В. И.* Злоупотребление правом: учеб. пособие. Тверск. гос. ун-т. М.: Норма, 2010. 176 с.
16. *Наумов А. Е.* Злоупотребление правом: юридическая природа явления // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 102–108.
17. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 июня 2009 г. по делу № А63-9403/2006 («Заявление о признании недействительным постановления о предоставлении земельного участка удовлетворено, поскольку действия заинтересованных лиц по межеванию и последующему предоставлению обществу спорного земельного участка нарушают права заявителя в сфере предпринимательской деятельности, лишенного возможности использовать арендуемый участок по целевому

- назначению) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=50119#06387890555620821> (дата обращения: 01.10.2019).
18. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Государственная система правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 01.09.2019).
 19. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: фед. закон РФ № 54-ФЗ (принят 19.06.2004; ред. 11.10.2018) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/ (дата обращения 01.10.2019).
 20. Кодекс РФ об административных правонарушениях (принят 30.12.2001; ред. 02.08.2019) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.10.2019).
 21. Гегель В. Г. Ф. Логика // Энциклопедия философских наук. в 3-х т. / пер. с нем. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 453 с.
 22. Евсеев А. В. Конституция РФ как фактор правовой культуры в образовательном процессе // Социология и право. 2013. № 22. С. 66–69.
 23. Принципы права: вопросы теории и методологии [Электронный ресурс] // Студенческая библиотека онлайн «Studbooks». URL: https://studbooks.net/883023/pravo/printsipy_prava_voprosy_teorii_i_metodologii (дата обращения: 14.09.2019).
 24. Фролов С. Е. Принципы права: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2001. 168 с.